

ШМИДТ К. Х.

ЗНАЧЕНИЕ НОВЫХ ДАННЫХ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРАЯЗЫКА

Настоящая работа посвящена рассмотрению следующего вопроса: в какой мере реконструкция того или иного праязыка может быть модифицирована в результате открытия новых данных. Под новыми данными здесь имеется в виду прежде всего расширение материальной базы какого-либо языка или языковой группы после открытия новых документов или даже целых языков, генетические связи которых с уже известными языками могут быть доказаны посредством введенной Э. Бенвенистом процедуры идентификации. Суть этой процедуры Э. Бенвенист определяет так: «Данная процедура связана с учетом конкретной субстанции и сравниваемых элементов» [1, с. 102]. Я бы назвал этот вид расширения конкретной языковой базы субстанциональным расширением (СР) в отличие от интерпретационного расширения (ИР), представляющего собой новый анализ или аранжировку материала как результат лучшего понимания или более удачной интерпретации имеющихся данных. Классическим примером ИР в области индоевропейской морфофонемике являются законы, установленные Грасманом [2], Вернером [3], Бругманом [4] и Ф. де Соссюром [5]; см. также [6, 7]). В более позднее время предметом обсуждения явились ларингальная и глоттальная теории¹.

Необходимо отметить, что при получении новых данных СР и ИР не всегда четко отделяются друг от друга, они могут различным образом комбинироваться. К примеру, ларингальная теория (она подтверждена конкретными свидетельствами, например, хеттским *h*, «довольно последовательным удлинением гласных перед индоиранским *nr* в сложениях» [15, с. 152, примеч. 3], некоторыми протетическими гласными в греческом и армянском, а также, возможно, и фригийском [9, с. 32, примеч. 3 и сл., с. 57, 70; 16, с. 68 и сл.]: ср.

(1) хет. *ha-an-za* («перёд»: греч. *ἀντί*, скр. *sū-náras* < **su-h₂nero-s* «прекрасный»: греч. *ἀντήρ*, др.-арм. *ayr*, фриг. *αῶαρ*: скр. *nar-*)

кажется ближе к СР, чем глоттальная гипотеза, которая в большей степени основывается на типологических критериях, таких, как низкая частотность **p* или глоттального **p'*, или на «универсалии», согласно которой звонкие аспирированные смычные предполагают наличие глухих аспирированных смычных (относительно обсуждения дополнительных аргументов см. [6, с. 343, примеч. 2 и сл.]):

(2)	I	II	III	
	(<i>p'</i>)	<i>b^[h]</i>	<i>p^[h]</i>	
	<i>t'</i>	<i>d^[h]</i>	<i>t^[h]</i>	
	<i>k'</i>	<i>g^[h]</i>	<i>k^[h]</i>	[12, ч. I, с. 39].

¹ Относительно истории ларингальной теории см. [8, 9]; относительно глоттальной теории см. [10; 11; 12, ч. I, с. 5—80; 13]; обе теории обсуждались М. Майрхофером [14]. Настоящая работа строится на результатах, полученных на основе ларингальной теории, и дает оценку глоттальной теории.

Теоретически свидетельства в пользу СР и ИР могут быть почерпнуты из всех языков мира. Но здесь мне хотелось бы сосредоточиться (после общего вступления) на СР и двух моделях ИР в индоевропейском. Настоящая статья построена следующим образом: I. Некоторые принципы реконструкции праязыков; II. Свидетельства субстанционального расширения (СР); III. Две модели интерпретационного расширения (ИР); IV. Резюме.

I. Некоторые принципы реконструкции праязыков

Реконструкция праязыка типа индоевропейского основывается на теории, предполагающей происхождение генетически связанных языков от общего предка, называемого п р а я з ы к о м. При доказательстве языкового родства релевантными являются лишь материальные совпадения («stoffliche Übereinstimmungen»), как их назвал Трубецкой [17, с. 214—233, 217]². Таким образом, субстанция языкового знака, но не его структура или тип может изменяться независимо от генетических связей языка. Поэтому Ельмслев прав, когда он утверждает: «Внутри одной языковой семьи могут быть языки совершенно различных типов, а в пределах одного и того же языкового типа могут быть языки совершенно различных семей» [18]. В качестве лишь одного примера развития различных языковых типов внутри одной языковой семьи можно указать на агглютинирующее склонение в современном армянском языке, в котором, в отличие от флективного склонения древнеармянского, имеются отдельные морфемы числа и падежа:

(3) др.-арм. ном. ед. ч. *azg*, мн. ч. *azg-k'*, ген. ед. ч. *azg-i*, мн. ч. *azg-ic* > совр. арм. ном. ед. ч. *azg*, мн. ч. *azg-er*, ген. ед. ч. *azg-i*, мн. ч. *azg-er-i*.

Тип склонения в современном армянском предполагает г р у п п о в у ю ф л е к с и ю (Gruppenflexion) атрибутивной синтагмы³.

(4) др.-арм. *tes-i arkay-i τὸ ἄλλο βρασιλέως* (Матф. 5, 35) vs. совр. арм. *tes setan-i* «большого стола».

Групповая флексия в (4) характеризуется отсутствием автономии слова⁴ — определение *tes* «большой» в современном армянском лишено флексии. Более того, агглютинация современного армянского коррелирует с редукцией варьирования формы⁵, т. е. с алломорфным варьиро-

² Однако Трубецкой недооценивал в своей статье эвристическую значимость таких совпадений (относительно «6 структурных признаков» Трубецкого см. у Бенвениста [1, с. 109, примеч. 1], который пишет, что «язык такелма обладает всеми теми шестью признаками, совокупность которых, по мнению Трубецкого, является отличительной чертой индоевропейского типа»).

³ Относительно термина «Gruppenflexion» см. [19], где Ф. Финк говорит о «г р у п п а х элементов, которые, будучи словами, п а х о д я щ и м и с я в с т а н о в л е н и и, кажутся относительно слабо связанными друг с другом».

⁴ Относительно термина «автономия слова» (Autonomie des Wortes) см. [20, с. 14]: «Каждое слово в предложении является самостоятельным и содержит в себе форманты, характеризующие его отношение к другому слову (согласование) или его функцию внутри предложения (флексия)».

⁵ Относительно термина «вариация формы» (Formvariation) см. у Э. Леви [21, с. 205 и сл.], который дает следующее определение: «обозначение одной и той же... внутренней формы посредством различных внешних форм», например, *vir-i, cui-us, stella-rum*.

ванием в пределах одного и того же падежа:

(5) др.-арм. *azg* «нация, народ», *-i*, *-ē*, *-iw*; мн. ч. *-k'*, *-s*, *-iç*, *-twk'* > совр. арм. *azg*, *-i*, *-iç*, *-ov*, *-um*; мн. ч. *-er*, *-eri*, *-eriç*, *-erov*, *-erum*; др.-арм. *ji* «лошадь». *-oy*, *-ov*; мн. ч. *-k'*, *-s*, *-oç*, *-ovk'* > совр. арм. *ji*, *-u*, *-uç*, *-ov*, *-um*; мн. ч. *-er*, *-eri*, *-eriç*, *-erov*, *-erum*!

Пример (5) показывает, что различие между *i*- и *o*-основами древнеармянского в современном языке было нейтрализовано как в формах инструменталиса и локатива ед. ч., так и во всех падежах во множественном числе. В сравнении с современным армянским французское склонение развивалось совершенно отличным образом:

(6) лат. *capitis* > франц. *de la tête*.

Разделение «понятия, класса, падежа» («Begriff, Klasse, Kasus»), которое Леви назвал «изоляцией флексии» (Flexionsisolierung) [22, с. 17], по существу равнозначно «технике изоляции» и «аналитическому синтезу» Сэпира [23, с. 142] ⁶. Несмотря на эти типологически контрастирующие субституции, которые пришли на смену индоевропейской модели склонения, никто не станет подвергать сомнению генетическую связь между современным армянским и французским.

Мы лишь попутно затронем другие аспекты проблемы, которые необходимо учитывать в связи с реконструкцией праязыка. В числе их могут быть упомянуты различия между внешней и внутренней реконструкцией [26, с. 6 и сл.], между абсолютной и относительной хронологией, географическое положение языка в доисторические и исторические времена, а также типологические соображения.

Внешняя реконструкция состоит из серии операций:

а) установление повторяющихся звуковых и морфемных законов, благодаря которым отдельные языковые континуанты связываются с восстановленным праязыком, например:

(7) и.-е. **snusós* «невестка»: скр. *snusǎ*, др.-арм. *nu*, греч. *νύξ*; лат. *nurus*, др.-в.-нем. *snur*, ц.-слав. *snъchǎ*.

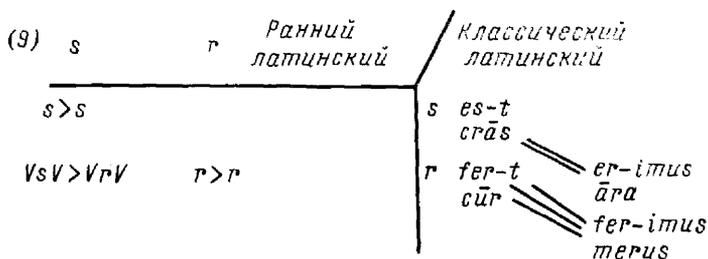
Индоевропейское **snusós* подверглось влиянию следующих законов: морфемного закона [замена *o*-основ ж. р. на *ā*-основы (санскрит, церковнославянский)]; фонологических законов [переход комплекса согласных **sn-* в **n-* в аналаге (древнеармянский, греческий, латинский)]; переход *s* в *θ* или *γ* в интервокальной позиции (древнеармянский, греческий, латинский) либо перед ударением (древне-верхне-немецкий); переход *s* в *ç* или *ch* после *u* (санскрит, церковнославянский), сдвиг ударения (латинский)] [27, с. 120 и сл.];

б) установление дополнительных трансформаций, таких, как семантические изменения или процессы аналогии, ограниченные отдельными языками; пример (8) касается древнеирландского гентива *sethar* вм. **sesar*, где спрант *th* развился по аналогии с другими терминами родства:

⁶ Ср. у В. Скадички: «Важнейшей чертой изолирующего типа является уменьшение числа аффиксов, которые даже могут и вовсе отсутствовать. Так возникают короткие одноморфемные слова. В живых языках имеется мало аффиксов, но в то же время целый ряд „формальных слов“». См. [24, с. 160 и сл.; 25].

(8) и.-е. *suesōr «сестра», ген. *suesrōs; др.-арм. k'oyr < *k'eur < *sū esōr, ген., дат., локат. k'er < *suesr-ōs, -ēi, -i; др.-ирл. siur, ген. sethar вм. *sesar по аналогии с bráthair, bráthar; máthair, máthar; athair, athar);

с) попытка реконструкции фонологической, морфологической, синтаксической и семантической систем праязыка (относительно реконструкции семантических систем см. [28, с. 585—598; 29, с. 45—52; 30—32]). Внутренняя реконструкция, основы которой были заложены уже Э. Германном [33, с. 1—64], имеет дело с морфонемными изменениями в отдельных языках как результатом расщепления, подобно тому, которое мы видим в описании механизма латинского ротацизма Х. М. Хёнигсвальдом⁷:

Отношение лат. *fer-t* к *fer-imus* сравнимо с отношением лат. *es-t* к *er-imus* (последняя форма восходит к **es-imus*).

Контраст между абсолютной хронологией (АХ) и относительной хронологией (ОХ) основывается на том факте, что наиболее важные консервативные, архаические элементы какого-либо языка могут быть по-разному мотивированы. АХ имеет дело с «возрастом» древнейших документов: не может быть никакого сомнения, что латинский язык ближе к модели реконструкции индоевропейского праязыка, чем его потомки — итальянский, французский, испанский и др. ОХ, с другой стороны, учитывает различную скорость изменения языков в зависимости от их географического положения (ср., например, маргинальные языки), от языкового уровня (ср., например, основной словарь; грамматические подсистемы) и, возможно, также и от типа языка. В примере (10) параметры 1) АХ и 2) ОХ комбинируются с факторами 3) непрерывная традиция (НТ), vs. фрагментарная традиция и 4) более длительный или менее длительный период традиции (ПТ) [35, с. 129]:

(10)	Хетский	Греческий	Санскрит	Албанский
1. Абсолютная хронология	+	+	+	—
2. Относительная хронология	±	±	±	—
3. Непрерывная традиция	+	+	+	+
4. Период традиции	—	+	+	—

⁷ Ср. у Хёнигсвальда: «формы *es-(t)* „он есть“ ~ *er-(imus)* „мы будем“ являются альтернирующими; *fer-(t)* „он несет“ ~ *fer-(imus)* „мы несем“ — не альтернирующими; *crās* „завтра“, *cūr* „почему“, *āra* „алтарь“ и *terus* „чистый“ являются неопределенными; выясняется, что *āra* содержит старое *s*, а *terus* — старое *r*» [34, с. 102; 27, с. 111, с. 15 и сл., с. 124].

Диаграмма (10), кроме того, показывает, что ОХ индоевропейских языков с древнейшей традицией, — т. е. хеттского, греческого и санскрита, — рассматривается в современных исследованиях индоевропейского праязыка совершенно иным образом.

Проблема географического положения тесно связана с вопросом разделения индоевропейских языков, который начал обсуждаться еще в XIX в. Лоттнер [36, 37] заменил греко-латинскую гипотезу своей италокельтской теорией; Шлейхер [38, с. 4 и сл.] развивал идею родословного древа, предполагавшую первичное расщепление индоевропейского на славянско-германский vs. арио-греко-итало-кельтский; И. Шмидт [39, с. 27] предпочитал «картину волны ..., представленной в виде концентрических кругов, затухающих по мере отдаления от центра»; Лескин [40, с. XIV и сл.] пытался синтезировать идеи Шлейхера и Шмидта; он, кроме того, установил важный принцип: «Критерии более тесной общности могут быть найдены только в таких позитивных совпадениях соответствующих языков, которыми в то же время эти языки отличаются от других» (см. также модификации этого принципа в [41, с. 390; 42, с. 57 и сл.]). А. Мейе [43] обсуждал вопрос об единстве индоиранского, итало-кельтского и балто-славянского в смысле диалектных групп, «которые сохраняли общность в период, следующий за индоевропейским». В настоящее время одним из наиболее важных вопросов индоевропейской лингвистической географии является положение хеттского и анатолийского внутри индоевропейской языковой семьи (см. недавнее обсуждение в IL 1984, № 9, особенно [44; 35, примеч. 19; 45; также 26, примеч. 14, 16]), а также проблема различий между восточными индоевропейскими языками (т. е. индо-иранскими, греческим, армянским) и индоевропейским праязыком ([47, 48, примеч. 13], см. критику в [49] и [42, примеч. 24]).

С точки зрения лингвистической типологии [50—51] необходимо принять во внимание ряд черт на уровне фонологии, морфологии и синтаксиса. Эти вопросы часто обсуждались различными авторами, а недавно — Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым в их обстоятельной работе [12]. Убедительность типологических критериев ограничивается следующей дилеммой. Имеются ясные указания на индоевропейский тип, который отличается от модели, полученной путем прямой реконструкции. Однако этот типологически вероятный реконструкт трудно верифицировать из-за огромной временной дистанции. Так, например, на уровне морфологии и синтаксиса индоевропейской номинативно-аккузативной конструкции весьма вероятно предшествовала еще более древняя синтагма, состоящая из активного и неопределенного падежей. На возможность такого, более древнего реконструкта указывает ряд черт, среди которых могут быть упомянуты следующие:

а) древняя дихотомия по роду — о б щ и й (communis: мужской и женский) и средней (neutra), — установленная для доисторических времен, несмотря на то, что она еще не доказана для анатолийского [52]. Нет необходимости упоминать, однако, о том, что распространитель корня *i*, которым характеризовался номинатив/аккузатив ед. и мн. ч. нескольких классов основ в лувийском, не может быть использован в качестве доказательства наличия древнего женского рода:

(11) ном./аккуз. ед./мн. ч. лув. *harrani-* «орел», перогл. лув. *suçani-* «собака»; лув. *çašu-* (ср. р.) «хороший», *çašui-* (общ. р.); *ura-* (ср. р.) «большой», *uri-* (общ. р.); *ārraja-* (ср. р.) «длинный», *āraji-* (общ. р.) [53, с. 408 и сл.; 45, с. 149, примеч. 26; 46, с. 25, примеч. 26];

б) противопоставление классов активных и пассивных/стативных глаголов как предварительная ступень для противопоставления аориста/презенса и перфекта⁸.

в) различие между маркированным номинативным/аккузативным падежом общего рода и немаркированным номинативным/аккузативным падежом среднего рода: до появления номинатива и аккузатива система основывалась на неопределенном падеже (*casus indefinitus*, относительно этого термина см. [56, с. 213 и сл.; 57, с. 41 и сл.; 58]) или на абсолютном падеже. Этот последний явился предшественником активного (*activus*) и объектного (*obiectivus*, «*Zielkasus*») падежей, появление которых, в свою очередь, было первым шагом на пути становления номинатива и аккузатива. Неиндоевропейские параллели маркирования прямого объекта в целом следуют тому принципу, что «раздельная маркировка аккузатива и согласование глагола с объектом более вероятны в именных фразах, которые характеризуются высокой степенью одушевленности и определенности» [59, с. 212]. Применительно к эргативным и активным языкам этот принцип лег в основу гипотезы, предложенной М. Сильверстейном [60, с. 122]: «Если эргативная система расщепляется просто на две двусторонние схемы падежной маркировки, то минимально или [+ ego], или [+ tu]-формы являются номинативно-аккузативными, а остальные — эргативно-абсолютивными» (ср. также у С. Маклендон [61, с. 6]): «... система отделяет нарицательные и собственные имена, для которых должна быть маркирована функция агенса, от местоимений, терминов родства и личных имен, для которых маркированной должна быть функция пациенса» ([62, с. 52; ср. [63]).

Вопреки этим закономерностям — и в этом состоит дилемма — процессы языкового изменения, благодаря которым доисторический тип трансформировался в праиндоевропейский реконструкт, не могут быть во всех деталях подтверждены из-за огромной временной дистанции. Тем не менее столь же ошибочным было бы как полное игнорирование типологических соображений, так и некритическое принятие недоказанных гипотез.

II. Данные, получаемые на основе субстанционального расширения (СР)⁹.

В соответствии со степенью своего воздействия на реконструкцию модели индоевропейского праязыка свидетельства новых данных могут быть подразделены на три группы:

⁸ Ср. у Каугилла [54, с. 34]: «Именные глаголы — предшественники индоевропейского перфекта и азиатского *hi*-спряжения — не различали времени или залога и основывались на 3-м л. ед. ч. отыменного происхождения...», см. там же, примеч. 26; также ср. у К. Х. Шмидта [55, с. 97]: «Как первоначально стативный глагольный класс праиндоевропейский перфект, в отличие от аористо-презентной системы (возникшей из более поздней категории динамических глаголов), испытывал дефицит в морфологических категориях: его признаки ограничивались имперфектным аспектом и интранзитивной диатезой».

⁹ См. [64, с. 270—277], где дается общий обзор развития индоевропейской лингвистики за период между 1957 и 1982 гг.

и более поздние инновации. Вероятными архаизмами являются такие черты, как рефлексы ларингальных, сохраненные в хеттском (№ 1), а также, по-видимому, древняя дихотомия *genus commune* и *genus neutrum*, отсутствие перфектного времени¹² и сигматического аориста¹³, сохранение форм древнего генитива ед. ч. *o*-основ на *-*os*:

(13) хет. ном. ед. ч. *antuḫš-a-š*, ген. ед. ч. *antuḫš-a-š* в противоположность *-*esol-oso* (греческий, германский, древнепрусский); *-*osio* (индоиранский, греческий, древнеармянский, фалискский); *-ī* (латинский, кельтский, венетский, мессапский); *-*ōd* (славянский, восточнобалтийский, возможно, дакский, кельтиберийский), *-eis* (оскско-умбрский)¹⁴, а также дистрибуция так называемых пространственных падежей в древнехеттском, изучавшаяся Штарком [73]:

(14)

	Ед. ч.		Мн. ч.
	класс вещей	класс лиц	
датив		<i>-i</i>	} <i>-aš</i>
терминатив	<i>-a</i>		
локатив	<i>-i</i>		
аблатив	<i>-az</i>		
инструменталис	<i>-it</i>		

или использование неопределенного падежа в качестве локатива [74].

В других случаях в анатолийском наблюдались инновации. Последние изучались особенно в отношении возможной утраты старого суффикса оптатива *-*ieh₁-/ih₁*, характеризовавшегося градацией основы¹⁵.

¹² См. у Каутилла [54, примеч. 31]: «...именная форма, которая лежит в основе индоевропейского перфекта и анатолийского *hi*-спряжения, должна была быть чистой основой без падежных окончаний; она использовалась предикативно и образовывалась от формы *o*-ступени корня с суффиксами *-e-/o-* в активном значении; подобный тип представлен в гомер. греч. *ῥαδός* „певец“, *παραδός* „сопровождение“; вед. *nāyā-* „вождь“, *śāki-* „помощник, помогающий“; лат. *procius, coquius*; н.-слав. *prorokъ* „пророк“; тох. В *plewe* „плот, лодка“; хетт. *iš-ha-a-aš* „хозяин“ (<**scoḫ-o-s* или **scoḫ₁-o-s*)»; см. также примеч. 10.

¹³ См. [12, ч. 1, с. 389, примеч. 3; 72, с. 490—514]. Рикс [26, примеч. 14] отмечает: «Морфологический след усматривали также в окончаниях *-š* в 3-м л. ед. ч. претерита *hi*-спряжения (*naiš* „он вел“; также в *-š*-окончаний *-šten-, šteni* во 2-м л. мн. ч.), которые обычно сводили к пеходу *-š-t* сигматического аориста. Для этого *-š*, однако, были предложены и другие объяснения: смешение форм 3-го л. с формами 2-го л. ед. ч. или с архаическим окончанием 3-го л., которое собственно лежит в основе сигматического аориста...».

¹⁴ Ср. ц.-слав. *bog-a* < **bhāg-od*, литов. *tėv-o*, лтш. *tēv-a* < **ōd* (по аналогии с гласной основы *-a-*; ном. ед. ч. *-as* и т. д.) < **ōd*; дакск. *Decebalus per Scorilo*; кельтиберийск. *tocaitos* : *cue* : *sarnicio* : *cue*.

¹⁵ Ср. [45, с. 144 и сл., примеч. 26]. Штрунк ссылается на замечание Ф. Зоммера («аблаут *-iē-* : *-i-* в суффиксе основы») [75, с. 63] и приводит дополнительные аргументы относительно возраста оптатива, в частности: «К предполагаемой основной функции праисторического оптатива, ... заключающейся в выражении желания и представления (потенциальность, пререальность), совершенно точно подходят р е г у л я р н ы е при этом наклонении вторичные окончания, которые, в отличие от первичных окончаний, являются немаркированными и нейтральными в отношении ко времени и действительности» (с. 45 и сл.; см. также [26, с. 20, примеч. 14]).

Отсутствие грамматически оформленной категории аспекта¹⁶ вполне могло быть результатом иного специфического развития в анатолийском. Его былое наличие подтверждается формами развитого настоящего времени в анатолийском [77, с. 249, примеч. 13; 78]. Отсутствие дифференциации между аористом и имперфектом предполагает утрату архаичного «*tempus primum*», о котором Швицер писал [79, с. 640]¹⁷ следующее: «При формальном подобии решающим для понимания является положение в системе» (с. 640):

(15) греч. аор. ἐγένετο: през. γίγνεται имперф. ἐγγίνετο vs. скр. имперф. *ajanata*: през. *janate* (ср. др.-лат. *genit*); др.-арм. аор. *eber* «он нес» < **ebheret*: имперф. скр. *abharat*, греч. ἔφερε; др.-арм. аор. *elik* '«он оставил» < **elik* et: аор. скр. *aricat*, греч. ἔλιπε.

Хотя хеттский и разделяет с другими древними индоевропейскими языками набор характерных черт в склонении (классы основ, падежи: см. [81, примеч. 31; 53, примеч. 30]) и спряжении (формы основ настоящего времени, две серии личных окончаний, дифференциация активной и средней диатезы), его архаизмы указывают на раннее отделение анатолийской языковой группы от индоевропейского. Если не принимать во внимание те инновации, которые произошли после его отделения, как, например, переход от категории состояния к *hi*-спряжению, утрату аспекта и *tempus primum*, а также, вероятно, и опатива, то анатолийский соответствует реконструкции более архаического индоевропейского типа, характеризующегося следующим набором черт: наличием глаголов, различающихся в отношении диатезы (состояние vs. действие) и аспекта (презенс/имперфект vs. аорист), наличием существительных, обозначающих лицо (общий род) и не-лицо (средний род), из которых только первый класс встречается в функции агенса; обычное использование неопределенного падежа [35, с. 133, примеч. 19].

Что касается тохарского, система склонения которого обнаруживает такие типологические инновации, как агглютинация и особая маркировка аккузатива ед. ч. в отношении к существительным, обозначающим разумные существа, то я хотел бы обратить внимание на утверждение, высказанное недавно В. Томасом [82, с. 128]: «В связи с особенностями преобразования и изменений в своей языковой системе тохарский не приобрел такого значения для индоевропейского праязыка и индоевропеистики, как хеттский и другие индоевропейские языки, открытые к началу XX в.». То, что две упомянутые выше черты отражают последующее развитие тохарского склонения, подтверждается консервативным статусом отдельных классов: с одной стороны, грамматические падежи не разделяют перехода от флективного к агглютинативному падежному типу; с другой стороны, термины родства, в основном *r*-основы, которые обычно считаются архаичными, лишены маркера аккузатива ед. ч.:

¹⁶ Относительно возраста этой категории ср., с одной стороны, утверждение О. Семерельи [76, с. 528, примеч. 43]: «Аспект следует рассматривать не как общее наследие, а как результат параллельного и независимого развития» (это не убедительно), и, с другой стороны, слова Рикса [26, с. 12, примеч. 14]: «Не следует избегать гипотезы о том, что аспектная оппозиция должна была возникнуть уже в праиндоевропейском».

¹⁷ См. также [80, с. 42, 45 и сл.]; относительно проблемы образования простой тематической презентной основы в древнехеттском см. [78, с. 259 и сл., примеч. 49; 26, с. 20, примеч. 14, с. 14 и сл.].

(16) тох. В ном. ед. ч. *pācer* «отец» (A *pācar*), косв. *pātār*; ген. *pātri*; [A *pācri*]; В косв. *petso* «муж» [A ном./косв. *pats*], ном./косв. *soy* «сын» [A *sel*].

Группа b), т. е. языки, существенные главным образом для изучения отдельных групп праязыка, состоит, помимо прочего, из чрезвычайно древних индоарийских и греческих документов. Данные митаннийского языка из Малой Азии ограничиваются немногими апеллятивами, теонимами и личными именами; среди этого материала мы находим числительные, частично в архаичной форме и частично как инновации:

(17) митан. *aika-* «один»: вед. *eka-*, *ti-e-ra-* «три»: вед. *tri-*, *pa-an-za-* «пять»: вед. *pāñca-*, *ša-at-ta-* «семь»: вед. *saptá-*, **na-a-ṇa-* «девять»: вед. *náva-* [83, с. 15].

Свидетельства микенского языка (см. [16, с. 5, примеч. 5; 84—86]), ставшие доступными после дешифровки линейного письма В, демонстрируют серию архаизмов, например, сохранение лабиовеларных, отсутствие стяжения гласных и сохранение **ṣ* почти во всех позициях:

(18) микен. *qo-u-ko-ro/g^u* οααοαοα = βοαααοαοα, *a-to-ro-qo* / άαααααα^ωαα = άαααααα^ωαα; *do-e-ro* / δαααοαα = δααααοαα; *wa-tu* / φααααα = άαααααα.

Что касается венецкого языка, который известен по надписям, найденным в северо-восточной Италии (Эсте, Лаголе), и который обнаруживает ряд совпадений с латинским, то его позиция остается спорной:

(19) венец. *ekvon*: *equum* (с **kū*); *vivoi*: *vivō* (дат., **g^uūo-*), *murtwoi*: *mortuo* (дат. п., ц.-слав. *mrtvъ*); **l, r > ol, or*: *vclti* «воля» (субст.), *murtwoi*; формы основы *fak-* «делать», *donā-* — «дарить, вручать» (см. [87], где

содержатся ссылки на более старые работы, но отвергается италийская (латинская гипотеза)).

Еще одним представителем группы b) является кельтиберийский, который я буду обсуждать в контексте галльских надписей, особенно надписи из Шамальера, принадлежащих группе с). Основополагающим для идентификации кельтиберийских надписей в качестве кельтских (она осуществлена в 1946 г. А. Товаром [88]) был произведенный М. Гомесом Морено в начале 1920-х годов анализ этнических и лингвистических стратов иберийского п-ова на основе убедительного чтения иберийских писем [89]. Кельтиберийский синтаксис характеризуется рядом архаичных черт, и прежде всего основным порядком слов «субъект — объект — глагол», причем определяющий элемент предшествует определяемому. Синтаксис по крайней мере двух надписей, из Боторриты и Пеньяльба де Вилластар, скорее всего основывается на этом принципе (см. [90, 91]):

(20) 3) *uta*: *oscuēs*: *stena*: *ueroniti*: *silabur*: *sleitom*: *conscilitom*: *gabi-seti* «и кто всегда пытается эти (строения) завоевать, должен брать (*gabiseti*) серебро, на кусочки расколотое»; 4) *uta*: *oscuēs*: *boustomue*: *coruinomue macasi[a]mue ailamue ambitiseti* «и кто хочет построить хлев или вал, или стену или другое (здание) ...»; 8) *iās*: *osias*: *uertatosue*: *temeiue*: *robiseti*: *saum*: *tecametinas*: *tatus*: *somei*; 9) *enitousei* «те *arsnas* (ж. р. мп. ч.), которые он или вне дома, или в доме разложит/убьет, десятую часть из них надо принести в жертву этому *Tousos*»; 10) *tocoitei*: *ios*:

ur : *antiomue* : *ausei* : *aratimue* : *tecametam* : *tatus* «что касается тогетов, которым У. или А. должны/будут приносить процветание, то десятую часть их следует принести в жертву» (Боторрита А) [92, с. 170].

В числе архаизмов кельтиберийского синтаксиса, не известных ни галльскому, ни древнеирландскому, могут быть упомянуты полностью скаляемое относительное местоимение **ios*, повторение союзов **k^we*, **nek^we*, *цѣ* и союз *uta*, засвидетельствованный также в индоиранском.

(21) кельтибер. *Tocoitos cue* : *sarnicio* : *cue* (Боторрита А1): греч. *κατὶρ ἀνδρῶν τὲ βῆῶν τὲ* (A544) vs. лепонтийск. *Latumarui Sapsutai pe* vs. архаическ. прл. *fer ḍa n-élat be(i)ch ro-ch lamethar jorgull* «человек, от которого спасаются пчелы (т. е. пчелиный рой) и который осмеливается (т. е. кто готов) дать показания».

В кельтиберийском имеются две морфологические черты, которые отражают более древнюю модель реконструкции пракельтского:

1) четыре конъюнктива-футурума на *s* с тематическими окончаниями 3-го л. ед. ч., которые соответствуют индоевропейскому типу, представленному в греческом, индоиранском, оскско-умбрском и средневаллийском:

(22) *gabiseti* «он должен взять», *ambisieti* «он будет строить вокруг», *robisieti* «он будет убивать», *ausei* «он должен/будет приносить процветание (приумножать)», гомер. *ἀμείψεται*, лат. *καίῃσσομεν*, др.-инд. *néṣat* = авест. *naēšat* «должен вести», оскск. *just* «erit», *deivast* «iurabit», умбрск. *ferest* «feret»; ср.-кипр. *duch* «может принести» < **deuk-s-e-t*, *gwares* «может прийти на помощь» < **uo-ret-s-e-t*, *gunech* «может сделать» < **ureg-s-e-t* (ср. [92, с. 171, примеч. 60], где, тем не менее, следуя Р. Турнайзену [93, с. 391], оскско-умбрские данные по-прежнему объясняются атематической флексией; см. также [16, с. 230, примеч. 5; 94, с. 288]);

2) генитив ед. ч. *o*-основ на *-o*, ср. *Tocoitos cuiē* : *sarnicio* : *cue* в примере (22).

Комментарии к конъюнктивам-футурумам на *s* в (22): а) основообразование и степень аблаута : *gabiseti* является поздней формацией, образованной от основы настоящего времени:

(23) др.-прл. *ga(i)bid* В II «берет», галльск. *gabi budduton imon* (см. [95, с. 15 и сл.] и мой обзор в [96, с. 330 и сл.]; см. также [97, с. 403 и сл., примеч. 59]).

Что касается аблаута (см. [98, с. 84 и сл.] — **ueg-*, **uōg-*, **aug-*, **ug-*: лат. *augēre*, гот. *aukan*, литов. *augti* «расти» и т. д.), то *ausei* обнаруживает полную ступень, которая не совсем ясно представлена в таких примерах, как *ambi-tise-ti*, в корне **dheiǵh-* или **steigh-*, и в *robisieti*, в корне **bhei(h)-*, где полная ступень *ei* либо выражена через *i* вместо *e*, либо изменена по аналогии.

б) Кельтиберийские конъюнктивы-футурумы корней **dheiǵh-* или **steigh-*, **bhei(h)-*, **aug-* и презентной основы *gabie/i-* доказывают, что правило, действовавшее в древнеирландском («Конъюнктив на *s* образуется только от сильных глаголов, корень или глагольная основа которых оканчивается на дентальный или гуттуральный смычный или спирант либо (в презенсе и претерите) на *nn*» [93, с. 380]), не применимо к пракельтскому.

Отсутствием дифференциации между конъюнктивом и футурумом кельтиберийские глагольные формы в примере (22) напоминают шесть древнеирландских глаголов, в которых «основа будущего времени... совпадает с основой конъюнктива» [93, § 662], ср. также [99]:

(24) др.-ирл. *aingid-*, *-anich* «защищает»: конъюнкт. фут. ед. ч. 3-го л. **ain* < **aneg-s-t*; *la(i)gid* «лежит»: **lé* < **leg-s-t*; *sa(i)did* «сидит»: *seiss* (абсолют.) < **sed-s-t* + гласный; *reg-* «протянуть»: **ré* < **reg-s-t*; *rethid* «бежит»: **ré* < **ret-s-t*; *techid* «избегает»: **tess* (1-е л. ед. ч.) < **tek^wsō*.

Судя по кельтиберийским и валлийским свидетельствам в (22), можно заключить, что различие в древнеирландском атематического окончания в 3-м л. ед. ч. активных и депонентных глаголов, как и во 2-м л. ед. ч. депонентных глаголов *s*-конъюнктива, *s*-футурума и *s*-претерита, в отличие от тематического окончания во всех других случаях, было результатом обоюдной аналогической адаптации конъюнктива, футурума и претерита.

с) Тематический конъюнктив-футурум в (22) необходимо рассматривать в контексте двух других кельтских форм будущего времени на общеевропейском фоне: 1) будущего на **-sje-/sjo-*, которое встречается три раза в галльских надписях из Шамальера:

(25) *bissiet* «он будет расщеплять»: **bheid-*, **bhid-*; *pissiiu mí* «я увижу»: др.-ирл. *ad'ci* «видит» < **k^wis-e-t*; *toncnaman toncsionio* «которые будут давать клятву» [92, с. 174, примеч. 60].

Суффикс **-sje-/sjo-* при соединении с корнями, оканчивающимися на сонант, предполагает развитие ларингального между корнем и суффиксом основы. Эта форма будущего времени известна в индоиранском с рефлексам в балтийском и славянском [100]; недавно П. Холлифилд предпринял попытку доказать его наличие в греческом [101]:

(26) вед. *kar-i-syā-ti* «он сделает», *vak-syāti* «он будет говорить». авест. *vax-šyā* «я буду говорить», литов. *dūo-siu* «я дам», ц.-слав. *byšęšteje*, *byšōšteje* < **bhū-sjo-nt-* «то μέλλο», греч. (Гес.) *κείοντες·κοιμηθησόμενοι* < **kei-h₁-sjo-nt-* = вед. *śay-i-sya-nt-*.

2) кельтские свидетельства других образований будущего времени ограничены древнеирландскими «сигматическими и аспигматическими редуцированными футурумами», которые «первоначально составляли один класс» [93, с. 414]. Это образование по существу соответствует индоиранскому дезидеративу. В кельтском и индоиранском этот старый дезидератив отмечен как редупликацией, так и присоединением к основе суффикса *s*, которому предшествует ларингальный, если он присоединяется к корню, оканчивающемуся на сонант:

(27) скр. *cikīrṣati* : *kar* «делать», *kṛtā-*; *śuśrūṣate* : *śru-* «слышать», *śrutā-*; др.-ирл. *celid* «скрывает»: буд. **céla* < **cechla* < **kiklā* < **kikl^hse-/o*; *ga(i)rid* «зовет»: буд. **géra* < **gigr^hse-/o*; **géna* «ранит» (: скр. *jighāṃsati*; корень *han-*).

Все эти формы будущего времени, конъюнктивы-футурумы в примерах (22) и (24), а также футурумы в (25) и (27), принимая во внимание их параллели за пределами кельтского, должны рассматриваться как пра-

кельтские и архаичные. Они, вероятно, восходят к тому периоду, когда кельтские *ā*-конъюнктивы (см. [93, с. 380 и сл.], где указывается на «сильные глаголы *agid* „гонит“ и *ad·gládathar* „обращается“» с *a*-конъюнктивом) и древнеирландские *f*-футурумы¹⁸ либо еще не были продуктивными (*ā*-конъюнктивы), либо вовсе отсутствовали (др.-ирл. *f*-футурум). В отношении *f*-футурума, который представлен лишь в древнеирландском, этот вывод кажется самоочевидным. Необходимо, однако, иметь в виду, что встречаемость *ā*-конъюнктива [104] ограничена западными индоевропейскими языками, по-видимому, лишь италийским и кельтским¹⁹. Попытка Х. Рикса (см. [107, с.153]; ср. [26, с. 24, примеч. 14]) свести происхождение *ā* древнеирландского *ā*-конъюнктива к дезидеративному суффиксу **-h₁se/o-* предполагает разделение италийского и древнеирландского *ā*-конъюнктивов:

(28) арх. лат. *advenat, attulat*; др.-ирл. **bera *bher-ā-t*: индик. наст. вр. *beir* < **bher-e-t*; др.-ирл. *-ā* < **h₁se/o-*: ср. греч. *μενοῦσι*, гомер. *μενέουσι* < **men-h₁-so-nti*.

Другая слабая сторона этой теории заключается в предпосылке, что ларингальный *-h₁-*, первоначально дистрибутивно ограниченный позицией после сонантов, был распространен на все позиции.

Этому противоречат тематические суффиксы **-sie/o-* (25) и **-se/o-* (27), где подобный аналогический процесс не имел места. Как нам известно по древнеирландскому футуруму в примере (27), процесс аналогии действовал на более поздней стадии и отличным образом:

(29) др.-ирл. конъюнк. *gara*: *gaba* = футур. **géra* < **gighse/o-*: *x*; *x* = **géba*²⁰.

Необходимо принять во внимание, наконец, и галльск. *lubiias* из Ля Грофесанка, хотя оно обнаружено в поврежденном контексте:

(30) галльск. *]sani lubiias saŋ]*. [*llias sante* [[109].

Форма *lubiias* похожа на конъюнктив 2-го л. ед. ч. глагола, также засвидетельствованного в галльском — *lubitus* и *lubi*:

(31) *lubiias*: *lubitus, lubi*: скр. *lubhyati*, лат. *lubet, libet*.

Такой анализ галльского *lubiias*, по-видимому, опровергает гипотезу Рикса также и с фонологической точки зрения, поскольку и.-е. *s* в интервокальной позиции в галльском сохраняется.

¹⁸ Относительно перешенной проблемы происхождения *f*-футурумов см. [93, с. 396 и сл.]; в [102] К. Уоткинс говорит о нередуцированных дезидеративных прилагательных со структурой *k o p e n i y † s † u*, «которым были приданы новый признак *-ā-* и глагольная флексия: **dasw-ā-ti...*» (с. 81). Эта теория неубедительна, поскольку ведийские и кельтские дезидеративные образования [см. (27)] в целом являются редуцированными; см. [103].

¹⁹ Что касается венетского *tolar* (нар. leg.), ср. [87, с. 293, с. 56]; относительно мессапского см. [105, с. 197, 205]; относительно тохарского см. [106, примеч. 30].

²⁰ Кроме того, гипотеза Рикса не затрагивает слабых глаголов: «Что касается конъюнктива на *ā* слабых глаголов, то я придерживаюсь традиционного выведения *ā* из корневого аориста корня **b^hueh₂-*». К. Р. Маккоун [108, с. 248] тем не менее приходит к выводу, что «все конъюнктивы островного кельтского были связаны с морфемой **-se/o-*, которой иногда предшествовал смычный, а иногда **-a-*».

Указывая на отсутствие семантической параллели для перехода от дезидератива к конъюнктиву, А. Баммесбергер [110, с. 66 и сл.] объясняет *ā*-конъюнктив в древнеирландском и итальяском как «конъюнктив с кратким гласным аористных образований на *-ā-* со стяжением *-ā-e/-o->-ā-*» (с. 70): «Две различные функции древнеирландского *ba* (конъюнктив наст. вр. и претеритно-имперфектный индикатив) продолжают две первоначально различные формации, а именно, вторичный аорист **bhw-a-* и конъюнктив **bhw-ā-e/-o->*bhw-ā*» (с. 70). Эта теория кажется вполне убедительной, но если мы примем ее, то должны считаться с формой конъюнктива, которая из-за стяжения гласных не может быть дифференцирована от своей претеритной базы. Возможной альтернативой была бы семантическая деривация из *ā*-претерита, уже предложенная Турнайзеном в 1884 г. в его теории инъюнктива²¹.

Как бы то ни было, ограниченность распространения *ā*-конъюнктива итальяским и кельтским не выглядит обстоятельством, способствующим возведению этой категории к праиндоевропейскому. Более вероятно, что семантический переход от аориста к конъюнктиву имел место в качестве изоглоссы соседних языков — итальянского и кельтского.

Комментарии к кельтиберийскому генитиву ед. ч. *o*-основ на *-o* [пример (21)]:

Хотя мы ожидали бы в общем иное звуковое развитие²², лучшим объяснением на сегодняшний день кажется происхождение этого *o*- из окончания аблатива ед. ч. на **-od*.

Независимо от источника кельтиберийского *-o*, различные рефлексы генитива ед. ч. *o*-основ в кельтском (т. е. **-o* в кельтиберийском vs. **-ī* в других кельтских языках) необходимо рассматривать в контексте двух фактов: 1) развитие генитива ед. ч. *o*-основ в индоевропейском, старое окончание которого было сохранено лишь в хеттском *-aš*, в то время как в других индоевропейских языках оно было заменено различными морфемами (см. пример 13); 2) др.-фалиск. **-osio* и оскск.-умбр. **-eis*:

(32) др.-фалиск. *eko Kaisiosio*; оскск.-умбр. *-eis* (ген. *i*-основ): оск. *sakaraki-eis*, умбр. *popl-er*; *-ī* (латинский, некельтиберийский кельтский; поздний фалисский; марсийский; мессапский; венецкий).

Вывод: др.-фалиск. *-osio*, оскск.-умбр. *-eis* и кельтибер. **-o* подтверждают позднее распространение **-ī*, которое, следовательно, не может рассматриваться в качестве черты кельтского или итальянского праязыка²³, но также не может служить аргументом в пользу итало-кельтской гипотезы.

К. Уоткинс уже в 1966 г. признал [114, с. 39], что «общность *-ī* в итальяском и кельтском можно рассматривать скорее как результат ранних контактов, а не первоначального единства». Этимологическая идентификация морфемы *-ī* далеко не общепринята: на основе теории Вакернагеля, которая связывает генитив на *ī-* с индоиранским наречным падежом на *-ī* — ср. скр. *grāmī-bhū-* «получить во владение деревню»

²¹ См. [111]: «Таким образом, итало-кельтские **bhūām* **bhūās* **bhūāt* являются старыми, унаследованными от праязыка образованиями, образующими безаугментные формы, которые могли служить для обозначения как прошедшего времени, так и конъюнктива (и будущего времени)».

²² См. [112, с. 288]; нельзя исключить, однако, и возможности сокращения **-ō* в **-ōd*: ср. примеры, даваемые У. Шмоллем в [113, с. 78].

²³ Гипотеза Мейе («несомненно, что *-ī* заменило *-eis*») опровергается меньшей частотностью *i*-основ в текстах (см. также [47, с. 89, примеч. 27]), где тем не менее вопрос о том, что явилось исходным, остается открытым.

{*grāma-*); *krūrī-ky-* «ранить» (*krūra-* «рана») [115] — *-ī* вполне можно рассматривать как старую морфему, которая в различных функциях сохранилась в маргинальных языках ²⁴.

Завершая кельтский раздел моей статьи, я бы хотел обратиться к галльск. *duxtir* «дочь», недавно обнаруженному в надписях из Ларзака [117, с. 131 и сл.]. Это новое свидетельство подтверждает предположение О'Брайана и Хэмпса (см. [118, с. 178 и сл.], где рассматривается прл. **ducht(a)ir*; см. также [119, с. 39 и сл.]) и опровергает гипотезу А. Мейе, имеющую отношение как к итальяскому, так и к кельтскому: «Древние названия сына и дочери были утрачены и заменены новыми словами» [43, с. 38, примеч. 78].

III. Две проблемы интерпретационного расширения (ИР)

Эта часть статьи является не более чем краткой заметкой, относящейся к конкретному вопросу. Отправной точкой служит модель сегментации агглютинирующего финитного глагольного комплекса (33) и простого предложения (34) в работе Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова [12, ч. I, с. 343; с. 362—363]:

(33) Ранговая структура сегментных глагольных форм ряда *-*mi*

Морфемный ранг	0	I	II	III	IV	V
Последовательность морфем	St	Тематическая гласная	Конъюнктив Оптатив Каузатив	Личные показатели	Субъектная версия	Наст. время (аспект) Повелит. накл. (с. 343)

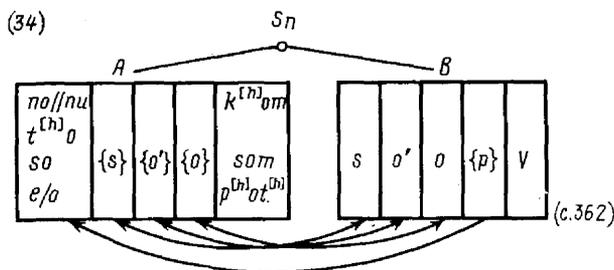

Диаграмма (34), которая основывается на законе Вакернагеля, гласящем, что индоевропейские энклитики занимали вторую позицию в предложении [120], и на порядке слов SOV, иллюстрируется хеттским материалом:

(35) хет. *na-an-kān ku-en-zī* «и его (-*an*) убивает»; *ša-an^D Ḫal-ma-š[u-it-ti]*
DŠi-i-uš-mi-iš pa-ra-a pa-iš «и его (-*an*) Халмасуиту (O') Бог-наш (S) отдал» (с. 363).

²⁴ См. обсуждение в [116, с. 85 и сл.; 89 и сл.; 105 и сл., особенно с. 111: «Теория *devi* на самом деле кажется менее уязвимой, чем другие»].

Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванов, очевидно, рассматривают используемые для оформления предложения частицы *-kan* < **k^[h]* *ot* (обозначает перфективность)²⁵, *-san* < **som* (обозначает интратерминальность)²⁶ и *-pat* < **p^[h]* *ot^[h]* (выражает идентификацию или эмфазу; ср. [122, с. 150 и сл.]: «*-pat* „равным образом, также“») в качестве хеттских архаизмов. Стрелки на их диаграмме (34) призваны показать, что элементы под А и В находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. что наличие одного из элементов {s}, {ó}, {o} на левой стороне таблицы предполагает отсутствие соответствующего элемента S, Ó, O на ее правой стороне (с. 362). Что касается диаграммы (33), то она не во всех отношениях соответствует древнейшей модели реконструкции индоевропейского праязыка. Например, спорно утверждение, что конъюнктив и оптатив в колонке II относятся к одной и той же эпохе. Как уже было отмечено, оптатив был, вероятно, утрачен в анатолийском. Однако несмотря на спорные моменты подобного рода, диаграммы типа (33) и (34) представляют значительный типологический интерес и могут внести важный вклад в понимание индоевропейских структур. С точки зрения типологии диаграмма (33) напоминает, например, картвельский глагольный комплекс из 12 элементов, описанный Деетерсом в 1930 г. [123, с. 6 и сл.]:

(36) 1) преверб, 2) личный аффикс, 3) версионный гласный, 4) корень, 5) аффиксы пассива /eɲ/, /d/, 6) аффиксы каузатива, 7) аффиксы мн. ч., относящиеся к объекту, 8) формация основы наст. времени, 9) аффиксы имперфекта, 10) гласный наклоения, 11) личное окончание, 12) суффикс мн. ч.

Синтагматический порядок морфемной цепочки подчиняется структуре языка; элементы 5 и 6, 7 и 8, 7 и 9 являются взаимоисключающими. На рис. (37) показана сегментация двух примеров — др.-груз. *damid-ginnes* «он наймет нас» и сван. *laxzazēna* «он пришел встретить его»:

(37)	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
a)	da	m	i	dg		in	n			e	s	
b)	la	x		zaz	ēn					a		

Хотя индоевропейский праязык был значительно менее инкорпорирующим и агглютинирующим языком, чем пракартвельский, сегментация морфемной цепочки представляется перспективным методом для осуществления более глубокого анализа индоевропейского глагольного комплекса.

Диаграмма (34), с другой стороны, напоминает модель полисинтетического западнокавказского языка типа адыгейско-черкесского, хотя необходимо отметить два различия: 1) в адыгейском синтаксические отношения могут быть выражены дважды, т. е. вне и внутри инкорпорирующего глагольного комплекса; 2) в адыгейском инкорпорирующая глагольная форма соответствует простому предложению, изображенному

²⁵ Ср. у Джозефсона [121, с. 416]: «Частица *-kan* указывает как на способ протекания действия, так и на аспект. Завершенное действие обычно рассматривается как предельное или, скорее, как запредельное (посттерминальное), поскольку точное действие считается завершенным».

²⁶ Ср. у Джозефсона (там же): «Частица *-san* лишена выраженных связей с определенным временным пределом и является признаком интратерминальности. Эта частица, однако, не противоречит общей категории предельного действия, являясь нейтральной и негативной по отношению к тому или иному временному пределу».

17. *Trubetzkoy N. S.* Gedanken über das Indogermanenproblem // AL. 1939. 1.
18. *Hjelmslev L.* Die Sprache / Translated from the Danish by Werner O. Darmstadt, 1968. S. 111.
19. *Finck F. N.* Die Haupttypen des Sprachbaus. Leipzig, 1910. S. 154.
20. *Deeters G.* Die Stellung der Kharthwelsprachen unter den kaukasischen Sprachen // Revue de kartvélogie. Bedi Kartlisa. 1957. 23.
21. *Lewy E.* Die Heimatfrage // KZ. 1931. 58.
22. *Lewy E.* Der Bau der europäischen Sprachen. 2-te Aufl. Tübingen, 1964.
23. *Sapir E.* Language. N. Y., 1921.
24. *Skalička V.* Ein typologisches Konstrukt // TLP. 1966. 2.
25. *Schmidt K. H.* Das indogermanische Kasusmorphem und seine Substituenten // Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / Hrsg. von Rix. H. Wiesbaden, 1975.
26. *Rix H.* Zur Entstehung des urindogermanischen Modusystems // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften. 1986. 36.
27. *Schmidt K. H.* Grundlagen und Methoden der historischen Sprachvergleichung // Perspektiven der Linguistik. I / Hrsg. von Koch W. A. Stuttgart, 1973.
28. *Thieme P.* The comparative method for reconstruction in linguistics // Language in culture and society. A reader in linguistics and anthropology / Ed. by Hymes D. New York — Evanston — London, 1964.
29. *Humbert H.* Indogermanische Dichtersprache? // MSS. 1967. 21.
30. *Schmitt R.* Dichtung und Dichtersprache in indogermanischer Zeit. Wiesbaden, 1967.
31. Indogermanische Dichtersprache / Hrsg. von Schmitt R. Darmstadt, 1968.
32. *Meid W.* Dichter und Dichtkunst in indogermanischer Zeit // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge. 1978.20.
33. *Hermann E.* Über das Rekonstruieren // KZ. 1907. 41.
34. *Hoenigswald H. M.* Language change and linguistic reconstruction. Chicago, 1960.
35. *Schmidt K. H.* Rekonstruktion und Ausgliederung der indogermanischen Grundsprache // IL. 1984. 9.
36. *Lotzner C.* Über die Stellung der Italer innerhalb des indoeuropäischen Stammes // KZ. 1858. 7.
37. *Lotzner C.* Celtisch-italisch // Kuhn-und-Schleicher-Beiträge. 1861. 2.
38. *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. I. Weimar, 1861.
39. *Schmidt J.* Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1872.
40. *Leskien A.* Die Declination in Slawisch-Litauischen und Germanischen. Leipzig, 1876.
41. *Leumann M.* Baltisch und Slawisch // Corolla Linguistica. Festschrift F. Sommer. Wiesbaden, 1955.
42. *Schlerath B.* Sprachvergleich und Rekonstruktion: Methoden und Möglichkeiten // IL. 1982—1983 (1984). 8.
43. *Meillet A.* Les dialectes indo-européens. P., 1908. P. 24.
44. *Neu E.* Konstruieren und Rekonstruieren // IL. 1984. 9.
45. *Strunk K.* Probleme der Sprachrekonstruktion und des Fehlen zweier Modi im Hethitischen // IL. 1984. 9.
46. *Oettinger N.* «Indo-Hittite»-Hypothese und Wortbildung // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften. 1986. 37.
47. *Porzig W.* Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.
48. *Meid W.* Probleme der räumlichen und zeitlichen Gliederung des Indogermanischen // Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft/Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
49. *Schlerath B.* Ist ein Raum / Zeit-Modell für eine rekonstruierte Sprache möglich? // KZ. 1981. 95.
50. *Schmidt K. H.* Historische Sprachvergleichung und ihre typologische Ergänzung // ZDMG. 1966. 116. Hf. 1.
51. *Schmidt K. H.* Historische Sprachvergleichung und typologische Kriterium // Linguistica Generalia. I. Studies in Linguistic Typology. Prague, 1977.
52. *Schmidt K. H.* Zur Vorgeschichte des indogermanischen Genusystems // Studies in diachronic, synchronic, and typological linguistics. Festschrift for O. Szemerényi on the Occasion of his 65-th Birthday. Pt. 11 / Ed. by Brogyanyi B. Amsterdam, 1979.
53. *Starke F.* Die Kasusendungen der luwischen Sprachen // Serta Indogermanica. Festschrift G. Neumann / Hrgs. von Tischler J. Innsbruck, 1982.
54. *Cowgill W.* Anatolian *hi*-conjugation and Indo-European perfect. Instalment II // Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von Neu E., Meid W. Innsbruck, 1979.

55. *Schmidt K. H.* Die vorgeschichtlichen Grundlagen der Kategorie «Perfect» im Indogermanischen und Südkaukasischen // A. С. Чикобава. Сборник, посвященный 80-летию со дня рождения / Под. ред. Дзидзигури Ш. В. Тбилиси, 1979.
56. *Böhljngk O.* Über die Sprache der Jakuten // Dr. A. Th. v. Middendorff's Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens. Bd. III. St. Petersburg, 1851.
57. *Hirt H.* Über den Ursprung der Verbalflexion im Indogermanischen // IF. 1904—1905. 17.
58. *Schmidt K. H.* Kaukasische Typologie als Hilfsmittel für die Rekonstruktion des Vorindogermanischen // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften. 1983. 31.
59. *Comrie B.* Language universals and linguistic typology. Oxford, 1981.
60. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity // Grammatical categories in Australian languages / Ed. by Dixon R. M. W. Canberra, 1976.
61. *McLendon S.* Ergativity, case and transitivity in Eastern Pomo // IJAL. 1978. 44.
62. *Mallinson G., Blake B. J.* Language typology. Cross-linguistic studies in syntax. Amsterdam — New York — Oxford, 1981.
63. *Bosson G.* Syntax and Semantik der Fundamentalrelation. Das Guaraní als Sprache des aktiven Typs // Lingua. 1980. 50.
64. *Watkins C.* Historical comparative linguistics and its contribution to typological studies // Proceedings of the XIII International Congress of Linguistics. August 29 — September 4, 1982 / Ed. by Hattori Sh., Inoue I. Tokyo, 1983.
65. Mitteilungen der deutschen Orient-Gesellschaft. 1921. 61.
66. *Sturtevant E. H.* The Indo-Hittite hypothesis // Language. 1962. 38.
67. *Sturtevant E. H.* A comparative grammar of the Hittite language. New Haven — London, 1964.
68. *Cowgill W.* More evidence for Indo-Hittite: The tense-aspect-systems // Proceedings of the XI International Congress of linguistics. II. Bologna, 1974.
69. *Schmid W. P.* Das Hethitische in einem neuen Verwandtschaftsmodell // Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von Neu E., Meid W. Innsbruck, 1979.
70. *Schmid W. P.* Das lateinische und die Alteuropa-Theorie // IF. 1985. 90.
71. *Meid W.* Der Archaismus des Hethitischen // Hethitisch und Indogermanisch / Hrsg. von Neu E., Meid W. Innsbruck, 1979.
72. *Strunk K.* Flexionskategorien mit akrostatischem Akzent und die sigmatischen Aoriste // Grammatische Kategorien, Funktion und Geschichte: Akten der VII. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / Hrsg. von Schlerath B. Wiesbaden, 1985.
73. *Starke F.* Die Funktionen der dimensionalen Kasus und Adverbien im Althethitischen. Wiesbaden, 1977.
74. *Neu E.* Studien zum endungslosen Lokativ des Hethitischen // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften. 1980, 23.
75. *Sommer F.* Hethiter und Hethitisch. Stuttgart, 1947.
76. *Szemerényi O.* Strukturelle Probleme der indogermanischen Flexion. Prinzipien und Modellfälle // Grammatische Kategorien, Funktion und Geschichte: Akten der VII. Fachtagung der indogermanischen Gesellschaft / Hrsg. von Schlerath B. Wiesbaden, 1985.
77. *Risch E.* Zur Entstehung des hethitischen Verbalparadigmas // Flexion und Wortbildung: Akten der V. Fachtagung der Indogermanischen Gesellschaft / Hrsg. von Rix H. Wiesbaden, 1975.
78. *Oettinger N.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums. Nürnberg, 1979.
79. *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. I. München, 1953.
80. *Schmidt K. H.* Armenian and Indo-European // First International Conference on Armenian Linguistics: Proceedings / Ed. by Greppin J. A. C. Delmar — New York, 1980.
81. *Neu E.* Einige Überlegen zu den hethitischen Kasusendungen // Hethitisch und indogermanisch / Hrsg. von Neu E., Meid W. Innsbruck, 1979.
82. *Thomas W.* Die Erforschung des Tocharischen (1960—1984). Stuttgart, 1985.
83. *Mayrhofer M.* Die Arier im Vorderen Orient — ein Mythos? Wien, 1974.
84. *Scherer A.* Handbuch der griechischen Dialekte von Thumb A. Zweiter Teil. Heidelberg, 1959.
85. *Schmitt R.* Einführung in die griechischen Dialekte. Darmstadt, 1977.
86. *Hiller S., Panagl O.* Die frühgriechischen Texte aus mykenischer Zeit. Darmstadt, 1986.
87. *Untermann J.* Die venetische Sprache // Glotta. 1980. 58.
88. *Tovar A.* Las inscripciones ibéricas y la lengua de los celibercs // Boletín de la Real Academia Española. 1946. 25.
89. *Gómez-Moreno M.* El bronce de Ascoli // Homenaje a R. Menéndez-Pidal. 3. Madrid, 1925.

30. Schmidt K. H. Der Beitrag der keltiberischen Inschriften von Botorrita zur Rekonstruktion der protokeltischen Syntax // Word. 1972 (1977). 28.
31. Ködderitzsch R. Die grosse Felsinschrift von Peñalba de Villastar // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für J. Knobloch / Hrsg. von Ölberg M., Schmidt G., unter Mitarbeit von Bothien H. Innsbruck, 1985.
32. Schmidt K. H. Zur Rekonstruktion des Keltischen // Zeitschrift für celtische Philologie. 1986. 41.
33. Thurneysen R. A grammar of Old Irish. Dublin, 1946.
34. Lewis H., Pedersen H. A concise comparative Celtic grammar. Göttingen, 1937.
35. Meid W. Gallisch oder Lateinisch? // Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft. Vorträge und kleinere Schriften, 1983, 31.
36. IF. 1983. 88.
37. Schmidt K. H. Probleme keltischer Etymologie und Wortbildung // Sprachwissenschaftliche Forschungen. Festschrift für J. Knobloch / Hrsg. von Ölberg M., Schmidt G. Unter Mitarbeit von Bothien H. Innsbruck, 1985.
38. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959.
39. Schmidt K. H. Konjunktiv und Futurum im Altirischen // SCelt. 1966. 1.
40. Schulze W. Lit. *kláusie* und das indogermanische Futurum // Schulze W. Kleine Schriften. Göttingen, 1966.
41. Hollifield P. Homeric *xeiw* and the Greek desideratives of the type *ἔραξεϊν* // IF. 1981. 86.
42. Watkins C. The origin of *f*-future // Ériu. 1966. 20.
43. Quin E. G. The origin of the *f*-future: an alternative explanation // Ériu. 1978. 28.
44. Oettinger N. Zur Diskussion um den lateinischen *ā*-Konjunktiv // Glotta. 1984. 62.
45. Haas O. Messapische Studien. Heidelberg, 1962.
46. Schmidt K. H. Spuren tiefstufiger set-Wurzeln im tocharischen Verbalsystem // Serta Indogermanica. Festschrift G. Neumann / Hrsg. von Tischler J. Innsbruck, 1982.
47. Rix H. Das keltische Verbalsystem auf dem Hintergrund des indoiranisch-griechischen Rekonstruktionsmodells // Indogermanisch und Keltisch: Kolloquium der Indogermanischen Gesellschaft am 16. und 17. Februar 1976 in Bonn / Hrsg. von Schmidt K. H. Unter Mitwirkung von Ködderitzsch R. Wiesbaden, 1977.
48. McCone K. R. From Indo-European to Old Irish: Conservation and innovation in the verbal system // Proceedings of the Seventh International Congress of Celtic Studies Held at Oxford from 10-th to 15-th July, 1983 / Ed. by Evans D. E., Griffith J. G. Jope E. M. Oxford, 1986.
49. Lefeune M., Marichal R. Quelques graffites inédits de la Graufesenque (Aveyron) // CRAI, 1971.
50. Bammesberger A. The origin of the *ā*-Subjunctive in Irish // Ériu. 1982. 33.
51. Thurneysen R. Der italokeltische conjunctive mit *ā* // BB. 1884. 8.
52. Untermann J. Die Endung des Genetivs singularis der *o*-Stämme im Keltiberischen // Beiträge zur Indogermanistik und Keltologie. J. Pokorny zum 80. Geburtstag / Hrsg. von Meid W. Innsbruck, 1967.
53. Schmoll U. Die Sprachen der vorkeltischen Indogermanen Hispaniens und das Keltiberische. Wiesbaden, 1959.
54. Watkins C. The interrelationships within Italic // Ancient Indo-European Dialects // Ed. by Birnbaum H., Puhvel J. Berkeley — Los Angeles, 1966.
55. Wackernagel J. Genetiv und Adjektiv / Wackernagel J. Kleine Schriften. 2. Göttingen, 1952.
56. Mackay Devine A. The Latin thematic genetive singular. Oxford. 1970.
57. Lefeune M., Fleriot L., Lambert P.-J., Marichal R., Vernhet A. Le plomb magique du Larzac et les sorcières gauloises // EC. 1985. 22.
58. O'Brien M., Der-, Dar-, Derb- in female names // Celtica. 1956. 3.
59. Hamp E. P. **dhugHtēr* in Irish // MSS. 1975. 33.
60. Wackernagel J. Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung // IF. 1892. 1.
61. Josephson F. The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972.
62. Friedrich J. Hethitisches Elementarbuch. 1. Tl.: Kurzgefasste Grammatik. Heidelberg, 1960.
63. Deeters G. Das khartwelische Verbum. Leipzig. 1930.
64. Попова Г. В., Керашева Э. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар — Майкоп. 1966.
65. Schmidt K. H. Probleme der Typologie (Indogermanisch-Kaukasisch) // Home-naje a Antonio Tovar. Madrid, 1972.